

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XXI.

Выпускъ I.

1912.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ.

Общее положеніе шаманства у желтыхъ уйгуровъ. — 1. Легенда о происхожденіи шаманства. — 2. Шаманъ. (Отсутствіе спеціальной одежды. Ложечка. Приготовленіе къ шаманскому званію. Погребеніе шамана). — 3. Божества. — 4. Шаманское моленіе. (Время моленія. Приготовленіе священнаго древа. Умерщвленіе овцы. «Поѣсы». Шаманскіе стихи. Посвященіе божествамъ овцы и лошади. Стихи. Освященіе присутствующихъ прикосновеніемъ древка. Гаданіе по нагару фителей. Стихи). — 5. Священныя животныя. (Лошадь и овца). — 6. Очищеніе скота. (Прохожденіе скота мимо костровъ огней). — 7. Поминовеніе предковъ. — 8. Моленіе о дѣтяхъ бездѣтными супругами. (Описаніе обряда. Стихи).

Турецкое племя желтыхъ уйгуровъ (сарыб ѵбур) живетъ въ провинціи Ганьсу въ Китаѣ около городовъ Суджоу, Готей и Ганьджоу въ сѣверныхъ отрогахъ Нан-шаньскихъ горъ.

Настоящая статья о шаманствѣ у уйгуровъ составлена частью по собственнымъ наблюденіямъ, частью же путемъ разспросовъ.

Среди уйгуровъ постоянное мое мѣстопробываніе было въ «Шар-гутыр» на землѣ уйгура Санышкап'а, около кумирни Лян-хуа-сы въ двухъ дняхъ пути на юго-востокъ отъ г. Суджоу.

Уйгуры — буддисты, но придерживаются и шаманства.

Уйгурское шаманство, насколько я могъ наблюдать его въ 1910—1911 гг., особенно у уйгуровъ, живущихъ въ степи (оілыб) около г. Суджоу, забывается, и недалеко уже то время, когда и вовсе уничтожится подъ вліяніемъ буддизма и его носителей — ламъ.

Мой домохозяинъ Санышкапъ, старикъ лѣтъ 60, раньше былъ шаманомъ, но давно уже бросилъ это занятіе, желая почетной формы погребенія — черезъ сожженіе. Шаманы же по смерти не сжигаются, а оставляются въ степи, гдѣ ихъ и съѣдаютъ дикіе звѣри.

Въ настоящее время у степныхъ уйгуровъ только одинъ шаманъ Нам-Серчапъ; онъ не пользуется никакимъ вліяніемъ у своихъ сородичей. Это совершенно опустившійся человѣкъ, лѣтъ 45, алкоголикъ и опиумокуръ. Въ скоромъ времени онъ думаетъ уже начать учить шаманскимъ призываніямъ своего сына, которому теперь лѣтъ 12, чтобы со временемъ передать ему шаманское званіе.

Буддійское духовенство сильно вліяєть на уничтоженіе шаманства. Однажды я спросилъ у мальчика ламы, лѣтъ 10, кушалъ ли онъ мясо барана, заколотого при шаманскомъ моленіи. Онъ съ важностью покачалъ головой и сказалъ «мен а^хка, мен жігмес» — «я не могу ѣсть: я духовная особа».

У горныхъ (таблыб) уйгуровъ, т. е. у уйгуровъ, живущихъ ближе къ г. Гань-джоу, я думаю, больше сохранилось шаманство, но у нихъ я былъ непродолжительное время и наблюденій по шаманству у горныхъ уйгуровъ у меня нѣтъ.

1. Легенда о происхожденіи шаманства.

По рассказамъ уйгуровъ, главное высшее шаманское божество «кан теңір» (или: кан-деңір) т. е. небесное божество¹⁾ (букв. царь-небо) сначала появилось среди тангутовъ (тат). Тангуты плохо обращались съ божествомъ и даже прогнали его отъ себя, бросая въ него камни изъ пращей. Небесное божество удалилось въ Зурскія горы (Зур таб — около города Готей) и, остановившись у одной рѣки, плакало. Услыхавъ ржаніе лошади, божество обрадовалось, предполагая, что вблизи есть жильё человека — хозяина лошади. Божество отправилось на поиски человека и съ вершинъ Зурскихъ горъ спустилось въ мѣстечко по имени «паі-гүз» (можно перевести: колодезь «паі»). Въ то время здѣсь одна старуха сбивала изъ молока масло и заснула. Къ ней то съ шумомъ и спустилось божество шаманомъ. Онъ, т. е. божественный шаманъ, выхватилъ изъ рукъ старухи мѣхъ (карын брюшина) съ молокомъ и съ силой ударилъ имъ въ стѣну жилья.

Вотъ при такихъ то обстоятельствахъ божество-шаманъ вселилось въ старуху и съ того времени появились женщины шаманки. Но затѣмъ сами уже люди измѣнили этому порядку и завели шамановъ мужчинъ²⁾.

1) Въ древне-турецкихъ «орхонскихъ» надписяхъ тәңрі значитъ и «небо» и «Богъ». См. Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи. IV: В. В. Радловъ и П. М. Меліоранскій. Древне-тюркскіе памятники въ Кошо-Пайдамъ. СПбургъ. 1897 г. Стр. 16. W. Radloff. Die Alt-türkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. p. 2—3. Тоже и въ памятникахъ древне-уйгурской письменности. Въ казанск.-татарск. нарѣчій тәрі значитъ уже «икона». См. еще: Н. И. Золотницкій. Корневой чувашско-русскій словарь. Казань. 1875 г., приложение III. Названіе Бога, неба и свѣтилъ небесныхъ.

2) У китайскихъ историковъ упоминается о шаманкахъ у народа «гао—гюй», т. е. у предковъ теперешнихъ желтыхъ уйгуровъ. Dr. W. Radloff. Das Kudatku-bilik. Theil I. 1891, стр. LXII. В. В. Радловъ. Къ вопросу объ уйгурахъ. Приложение къ LXXII тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ, № 2. СПб, 1893 г., стр. 87. Трощанскій. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ. Казань. 1902 г., стр. 123: что черные шаманы ведутъ свое начало отъ шаманокъ явствуєтъ и изъ того, что у шамана на передникѣ бывають нашиты два желѣзныхъ круга, изображающіе груди. См. еще замѣтку Н. Виташевскаго (въ журналѣ «Живая Старина, вып. I—II, 1910 г.) на: «Э. К. Пекарскій и В. Н. Васильевъ. Плащъ и бубенъ якутскаго шамана...». О женскомъ (головномъ) уборѣ (въ дополненіе къ замѣткѣ Н. Ви-

2. Шаманъ.

Шаманъ по уйгурски называется двойко: «камъ» (кам-шаманъ; камна (v) — шаманить) и «ильчи» (i'l'чы). Камъ¹⁾—это болѣе торжественное, ритуальное слово, а «ильчи» — обыкновенное, обыденное.

Уйгурскій шаманъ не имѣетъ какого-либо спеціального костюма для моленій; онъ шаманить въ своей обыкновенной одеждѣ; нѣтъ у уйгуровъ ни бубна, ни коло-тушки.

Необходимой же принадлежностью шамана является только деревянная ложечка²⁾, называемая «чок каздык» (или проще — «совак»).

Если на ложечкѣ, на черенкѣ, сдѣлано въ видѣ орнамента 13 надрѣзовъ, то она посвящается и при помощи ея кропится высшимъ тринадцати божествамъ; если на ложечкѣ 9 надрѣзовъ, то — божествамъ второго порядка; ложечкой съ 7 надрѣзами кропится божествамъ второго же порядка, но менѣе важнымъ. Ложечкой съ тремя надрѣзами кропится божествамъ третьяго порядка.

На серединѣ черенка у ложечки бываетъ иногда возвышеніе «кындык», т. е. пупъ. Это возвышеніе дѣлается въ честь божества рода или жизни; божество это называется «кын кўкен»³⁾.

Въ домѣ у шамана Нам-Серчап'а я видѣлъ еще кожаную сумку, наполненную шерстью (напоминаетъ наши охотничьи сумки); называется она «торвун»; о ней есть упоминаніе и въ шаманскихъ (уйгурскихъ) призываніяхъ. При моленіи она (теперь?) не надѣвается.

ташевскаго) см. Отчетъ А. Н. Самойловича о поѣздкѣ въ Ташкентъ, Бухару и Хиву (Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Ср. и Вост. Азіи, № 9, стр. 27); С. Е. Маловъ. Нѣсколько словъ о шаманствѣ у турецкаго населенія Кузнецкаго уѣзда Томск. губерніи (Живая Старина, вып. II—III, 1909 г.); Андрей Рудневъ, Новыя данныя по живой манджурской рѣчи и шаманству. СПб. 1912 г., стр. 5 (= 051 стр. Зап. Вост. Отд. Им. Рус. Арх. Общ., т. XXI).

1) О названіяхъ шамана у другихъ турецкихъ племенъ см. Золотницкій. Чувашскій словарь, стр. 162, приложение IV: Сибирскіе шаманы и чувашскіе йомзи; (о послѣднемъ словѣ сравн. Т. Земляницкій. Чуваши. Казань, 1909 г., стр. 12—13 и прот. Е. А. Маловъ. О вліяніи еврейства на чувашъ. Казань. 1882 г., стр. 7—12. (Извѣстія по Казанск. епархіи, 1882 г., № 6 и 7). О значеніи слова ильчи см. статью Б. Я. Владимірцова. Турецкіе элементы въ монгольскомъ языкѣ. СПб. 1911 г., стр. 24—25 (= 176—177 стр. Зап. Вост. Отд. Импер. Рус. Арх. Общ., т. XX).

2) Ложечка при моленіяхъ употребляется еще напр. чулымскими турками (С. Маловъ. Нѣсколько словъ о шаманствѣ..., стр. 2 отд. оттиска) и иногда якутами (Н. Виташевскій. Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ. Зап. вост.-сиб. отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. по этногр. 1890 г., т. II, вып. 2).

3) Кын потомство, дѣти. Къ слову «кўкен» сравн. кѡк (крымск., османск.) корень, происхожденіе; кѡкўн (османск.) мѣсто, гдѣ что либо образуется; отечество. В. В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, т. II, ст. 1221 и 1224.

Чаще всего шаманомъ дѣлается сынъ шамана, но можетъ быть и всякій другой, научившійся шаманить¹⁾.

За время ученія готовящійся стать шаманомъ можетъ шаманить, но только безъ ложечки «чок каздык»; вмѣсто ложечки онъ дѣлаетъ кропленіе просто травой ковылемъ. По окончаніи ученія старый шаманъ даетъ молодому девять лампадокъ и получаетъ плату за ученіе.

Если шамана по его желанію послѣ смерти предать сожженію, то дѣти его уже не могутъ быть шаманами; шаманство въ его родѣ этимъ прерывается.

Умершаго шамана уносятъ куда либо подальше отъ жилыхъ мѣстъ и оставляютъ на песчаномъ холмѣ или возвышеніи въ сидячемъ положеніи; мертвецу даютъ въ руки ложечку «чок каздык»; передъ шаманомъ ставятся лампадки. Черезъ семь дней мертвецъ-шаманъ, по увѣреніямъ уйгуровъ, переходитъ куда либо въ другое мѣсто, недалеко отъ перваго. Здѣсь, на новомъ своемъ мѣстѣ, его и съѣдаютъ дикіе звѣри и хищныя птицы.

Какъ я уже выше замѣтилъ, уйгуръ Санышканъ (см. рис. № 1 и 2) былъ раньше шаманомъ. Но потомъ, подъ вліяніемъ ламъ, онъ бросилъ это занятіе и довольный передавалъ мнѣ, что теперь онъ, послѣ смерти, при сожженіи его тѣла, съ дымомъ вознесется вверхъ къ небу, къ бурханамъ, а не будетъ растерзанъ въ степи волками²⁾.

3. Божества.

По разсказамъ бывшаго шамана Санышкапа существуетъ тринадцать высшихъ небесныхъ божествъ; божествъ второго ранга девять; ниже ихъ — семь; еще ниже — пять, потомъ четыре. Затѣмъ идутъ уже меньшія божества третьяго ранга. По правой и лѣвой сторонамъ существуетъ по девяти небесныхъ божествъ; девять божествъ «пабдаш», т. е. сидящихъ, скрестивъ подъ собой ноги. Есть одно божество «азбаш», т. е. съ выдающимися клыками. Есть два небесныхъ божества «суреі хан»³⁾ и еще: «моңгол-хан» и «ктеі-хан», т. е. божества монгольское и китайское.

---

1) Сравни. Сборникъ Музея по Антроп. и Этногр. при Импер. Академіи Наукъ, VIII: В. Н. Васильевъ. Шаманскій костюмъ и бубень у якутовъ. 1910 г., стр. 2. В. Магнитскій. Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Казань. 1881 г., стр. 15.

2) О погребеніи шамана у другихъ племенъ см. Н. О. Катановъ. О погребальныхъ обычаяхъ тюркскихъ племенъ. (Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр. т. XII, вып. 2-й); его же «Среди тюркскихъ племенъ», стр. 5 (= 523 стр. Извѣстій Имп. Рус. Геогр. Общ., т. XXIX). Д. А. Клеменцъ и М. Н. Хангаловъ. Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ. СПб. 1910 г., стр. 29—30 (изъ перваго тома «Матеріаловъ по этнографіи Россіи»). Вс. Миллеръ. О нѣкоторыхъ древнихъ погребальныхъ обрядахъ на Кавказѣ, стр. 5, 7—8 (отт. изъ «Этнографическаго Обозрѣнія, кн. 88—89).

3) Словомъ же «суреі» называются и двѣ палочки, которыя втыкаются въ вареную голову жертвеннаго барана.

Рис. 1.

Шаманъ Санышкапъ.

Рис. 2.

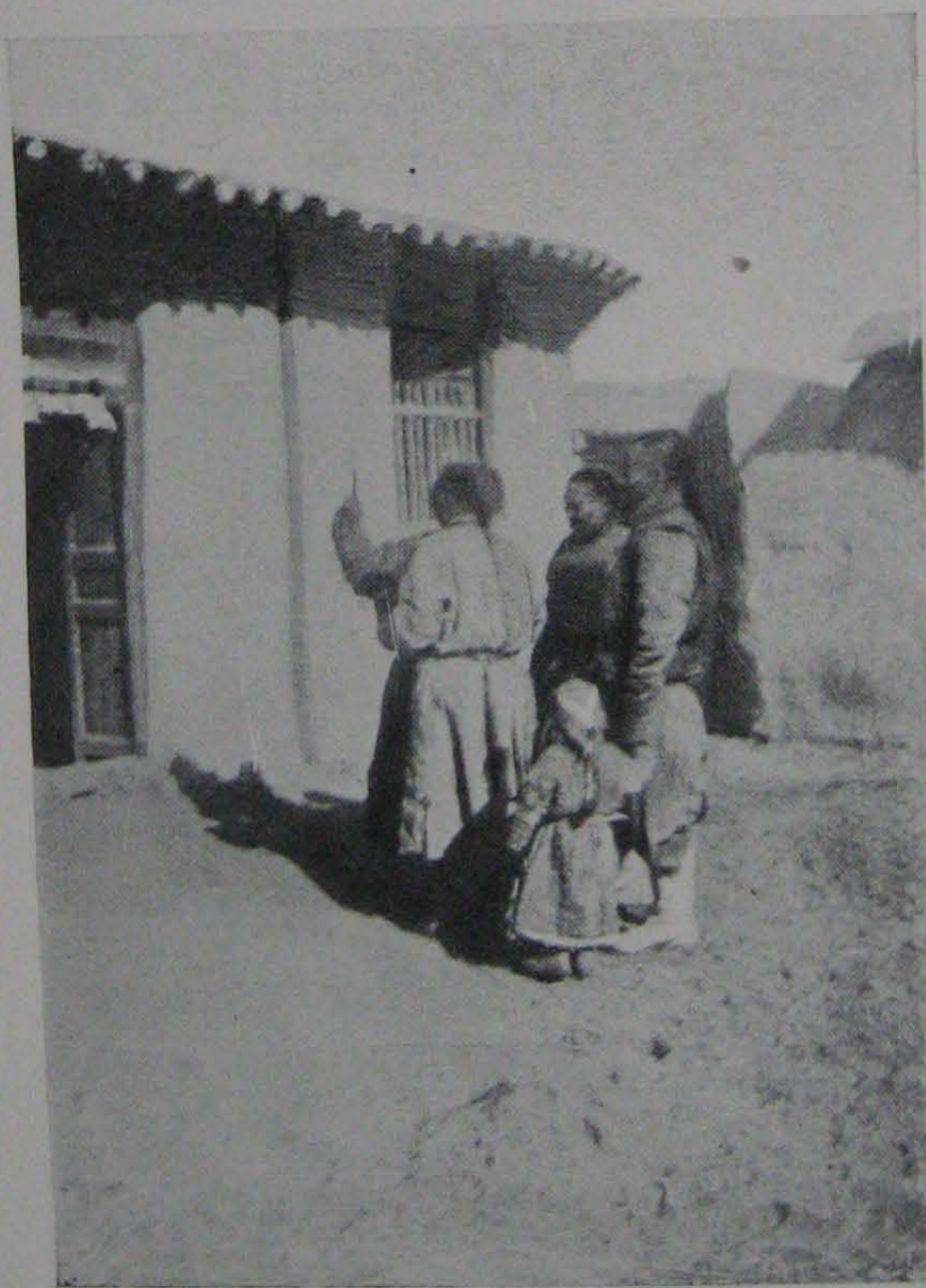

Рис. 3.

Кропление божествамъ.

Есть еще божества — покровители, называемые «ыңе'л'так». Степные уйгуры говорят, что у них это божество одето въ бѣлыя одежды, на бѣломъ конѣ и само оно съ бѣлымъ лицомъ. А у уйгуровъ, живущихъ въ горахъ, это божество будто бы на черномъ конѣ, въ черной одеждѣ и съ черными скулами.

4. Шаманское моленіе.

Мнѣ не приходилось наблюдать, чтобы уйгуры приглашали шамана по случаю какой либо радости или несчастья. Для шаманскаго домашняго моленія есть изъ года въ годъ опредѣленное время; общественныхъ же моленій у уйгуровъ нѣтъ вовсе.

Временемъ шаманскихъ моленій у уйгуровъ бываетъ второй мѣсяцъ года по китайскому календарю. Шаманъ въ это время бываетъ чуть ли не за недѣлю впередъ заприглашенъ въ дома уйгурами. Шаманъ Нам-серчапъ изъ Ши-хейза приглашается для моленій даже и окитаившимися уйгурами, живущими ближе къ городу Суджоу.

Предъ совершеніемъ шаманскаго моленія въ домъ идутъ необходимыя къ этому приготовленія. Приготавливается древко съ ленточками. Древко называется «яхка» — «небеса» (?), «вышія сферы (?)». (Самое моленіе тоже называется «яхка»; совершать моленіе — «яхка теі (v); теі (v) жертвовать, приносить въ жертву || алтайск. таі (v). Къ слову «яхка» сравн. «яхкадан» съ горныхъ мѣстъ, съ юга; «яхкасынба чөкі» садись на переднее, почетное мѣсто).

Древко состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ палочекъ или прутьевъ (изъ колючаго кустарника — «тікен»). Каждая палочка обматывается шерстью, а поверхъ обкручивается лентой китайской матеріи; спускающіяся съ палочекъ косички — «чүвек» ¹⁾ представляютъ продолженіе этой ленты. Китайская матерія берется разныхъ цвѣтовъ; отъ цвѣта матеріи и получаютъ свое названіе палочки.

Четыре эти палочки втыкаются въ рядъ въ земляную кочку съ ковылемъ (такая кочка по уйгурски называется «сока»).

Самый большой и главный пруть называется «јасыл јыбаш» — зеленое дерево, съ него спускается семь зеленыхъ косичекъ.

Предъ зеленымъ древкомъ ставится бѣлое древко «ак јыбаш», — обмотанное бѣлой матеріей; съ него спускается двѣ косички: одна бѣлая — «ак чүвек» и одна голубая — «көк чүвек». Голубая косичка носитъ еще названіе «тыр» — млечный путь.

Предъ бѣлымъ древкомъ вставляется все въ одну и ту же кочку древко, называемое «пурчек»; къ нему привязываются четыре нитки, скрученные изъ шерсти.

1) Тоже, что «ялама» у другихъ племенъ.

Предъ древкомъ — «пурчекъ» ставится голубое древко — «кѡк ѵѣашъ»; у него три косы: сверху спускаются двѣ голубыя косички, а пониже — одна зеленая косичка «ѵасы чѣвекъ». Называется это голубое древко, какъ и голубая косичка у бѣлаго дерева, млечнымъ путемъ — «тыр».

Каждый изъ четырехъ прутьевъ, прежде завертыванія въ шерсть и матерію, извѣстнымъ образомъ надрѣзывается.

Такъ, зеленое древко, посвященное семи божествамъ, имѣетъ на себѣ семь зарубокъ; бѣлое древко — пять зарубокъ; дерево «пурчекъ» имѣетъ четыре зарубки и голубое древко. — три.

Предъ этимъ то древкомъ (изъ 4 палочекъ) и совершается шаманское моленіе¹⁾.

На домашнее моленіе приглашается уйгурами очень немногo лицъ изъ сосѣдей и родственниковъ, всего человѣкъ пять. Изъ мужчинъ приглашаются преимущественно молодые парни для помощи домохозяйевамъ при убіеніи жертвенной овцы и для подпѣванія шаману при моленіи. Женщины приглашаются для хозяйственныхъ хлопотъ: варить мясо овцы, готовить чай и т. под.

Собственно же въ моленіи участвуетъ только шаманъ. Такъ напр., на моленіи въ мѣстечкѣ Шар-гутыръ шаманъ пѣлъ стихи, кропилъ божествамъ, два парня почтительно держали предъ нимъ во время кропленія небольшую мисочку съ водой или молокомъ (см. рис. № 3); они же подпѣвали ему, протягивая одинъ звукъ «а-а-а!» или «о-о-о!» во время пѣнія шаманомъ стиховъ. Женщины были заняты хлопотами въ помѣщеніи — кухнѣ. А самъ домохозяинъ сидѣлъ со мной на лежанкѣ — канѣ около «хопына» — таза съ горячими угольями и подмигивалъ мнѣ то на шамана при его завываніяхъ, то на моего служителя — «турфанлыка», который изрѣдка входилъ въ домъ посмотрѣть на моленіе и тотчасъ же выходилъ обратно отплеиваться, не перенося, какъ строгій мусульманинъ, подобныхъ «безбожныхъ» церемоній. Шаманъ приглашается для совершенія моленія къ вечеру.

Дерево «ѵаха» становится въ домѣ около передней стѣны²⁾ на полу. Передъ деревомъ кладется подносъ или просто доска съ хлѣбными зернами (сокпа или тарыѣ),

1) Моленіе предъ деревомъ очень распространенный шаманскій обычай. Напр. буряты совершаютъ моленіе предъ березой, на которую вѣшаютъ шкурки животныхъ (М. Н. Хангаловъ. Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ. Зап. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. по этнографіи; т. II, вып. I); у черемисъ жрецъ (кугузя) молится предъ священнымъ деревомъ съ вѣткой въ рукахъ. Вѣтки (итты) являются необходимой принадлежностью черемисскихъ богослуженій — (С. К. Кузнецовъ. Четыре дня у черемисъ во время сюрема. СПб., 1879, стр. 19—23, 30—35); у чувашъ моленія совершаются въ заповѣдныхъ рощахъ; у кузнецкихъ турковъ Томск. губ. моленіе бываетъ предъ березой (паі казын), увѣшанной лентами (чалама); на березу кропится брагой (С. Маловъ. Нѣсколько словъ о шаманствѣ..., стр. 3) и т. д.

2) Т. е. стѣны противъ входа; въ этой же стѣнѣ въ выемкѣ находится обыкновенно буддійскій алтарикъ.

а на зерна ставятся девять лампадочекъ, т. е. девять маленькихъ чашечекъ изъ желтой мѣди; употребляются онѣ и въ буддѣйскомъ культѣ и называются «мармі» или лучше, по шаманскому ритуалу, — «јола».

Послѣ прихода шамана лампадки эти зажигаются. Шаманъ начинаетъ пѣть¹⁾:

О, никогда не бодрствующій «великій Туркъ» (названіе божества; узбан-мас улуб турк)!
Яркій факель (ак јола) освѣщаетъ управленіе божества.

О, божество «алтан кан», величиной съ гору (таб поздыб)!..

Во время чтенія этихъ стиховъ шаманъ бросаетъ къ дереву «јахка» въ кочку съ ковылемъ стружки и вырѣзки отъ четырехъ палочекъ древка «јахка»; вырѣзки эти сохранялись съ того времени, когда на древкѣ при его приготовленіи дѣлались разныя зарубки (о чемъ см. выше).

Затѣмъ происходитъ убіеніе овцы. Предъ дверью жилища на дворѣ стелется кошма (јунак) или какой либо мѣшокъ (сумал), на который ставится выбранная для моленія овца. Овцу держать кто либо изъ мужчинъ, а шаманъ съ пѣніемъ стиховъ кропитъ на нее «бѣлой водой» (ак су), т. е. водой (су), смѣшанной съ кислымъ молокомъ (чучак).

Послѣ окропленія овца отпускается и всѣ присутствующіе внимательно смотрятъ за овцой: если овца отряхивается, то это служитъ знакомъ того, что овца эта угодна божеству, если же овца послѣ кропленія спокойна, то ее опять ловятъ и опять съ молитвами совершается на нее возліяніе «бѣлой водой».

По большей части, конечно, овца съ перваго же раза послѣ кропленія отряхивается, желая удалить съ себя воду и молоко²⁾.

Угодная божеству овца валится на спину; затѣмъ у ней распарывается грудь, въ отверстіе просовывается рука, при помощи которой и разрывается аорта.

Другого способа для умерщвленія жертвеннаго животного не существуетъ³⁾.

1) Здѣсь дается переводъ стиховъ; самый же текстъ стиховъ будетъ данъ при изданіи всѣхъ собранныхъ мною уйгурскихъ текстовъ и ихъ переводовъ.

2) Важное значеніе за отряхиваніемъ признается почти всѣми турецкими племенами Сибири, сибинцами (докладъ Н. Н. Кроткова 24 ноября 1911 г., въ Вост. Отдѣл. Имп. Рус. Арх. Общ.), чувашами, черемисами и проч. Н. В. Никольскій. Этнографическій очеркъ Милюковича о чувашахъ. Казань, стр. 26 (отд. отт. изъ XXI т., вып. 4 Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этногр. за 1905 г.); свящ. П. М. Мальховъ. Симбирскіе чувашіи и поэзія ихъ. Казань. 1877 г., стр. 16—17. В. Васильевъ. О киреметяхъ у чувашъ и черемисъ. Казань. 1904 г., стр. 30—31 (отд. отт. изъ Извѣстій по Казанск. епархіи за 1904 г.); Записки А. Фукса о чувашахъ и черемисахъ. Казань. 1840 г., стр. 77—78, 210; Арх. Никаноръ. Остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у чувашъ. Изд. 2-е. Казань. 1910 г., стр. 19—20.

3) Такой же способъ принять и у бурятъ. М. Н. Хангаловъ. Нов. матеріалы о шаманствѣ..., стр. 120—121.

Тотчасъ же берется жиръ съ почекъ убитой овцы, кладется въ чайную чашку, вносится въ домъ и ставится около лампадъ предъ «священнымъ деревомъ — *jahka*».

Вслѣдъ за жиромъ вносится въ домъ съ пѣніемъ шамана и заколотая овца. Шаманъ при этомъ дѣлаетъ вверхъ кропленіе молокомъ. Овца ненадолго кладется на полъ предъ бурханами (*пуркан*) или предъ деревомъ съ ленточками. Шаманъ опять поетъ стихи. Затѣмъ овца выносится на дворъ; здѣсь уже приготовленъ котелъ съ кипящей водой. Овца опускается въ кипятокъ, послѣ чего съ нея очень легко опшпывается и отстаётъ шерсть. Овца рѣжется на части. Прежде всего вырѣзывается «поѢсы», т. е. голова, шея, сердце, легкія и десять реберъ. Эта часть варится отдѣльно и раньше всего ¹⁾.

Все свареное мясо овцы складывается на доску около священнаго дерева предъ шаманомъ. Въ голову овцы, около ушей, вставляются двѣ палочки, называемыя «*суреі*».

Шаманъ моетъ голову овцы «бѣлой водой» (*ак су*) и мажетъ ее масломъ. Мажется, главнымъ образомъ, лобъ овцы; намазанное на лбу овцы масло называется горой Сумеру (*сумыр таѢ*). Масло еще намазываются брови овцы; въ честь «божества съ клыками» (*азѢаш кан*) мажутся масломъ зубы-клыки; четыре ноги — въ честь божества «*паѢдаш*», т. е. сидящаго на сложенныхъ подъ себя ногахъ; хвостъ намазывается въ честь божества, держащаго плетъ (*чалыѢ туткан*); внутренности же намазываются въ честь божества рода, родственной линіи (*урук, жіп*).

Во время и послѣ помазанія масломъ частей овцы шаманъ поетъ:

О, высшее управленіе! О «великій Туркъ»!
О, божество (— лошадь), которому жертвуется масло!
Способное переѣхать 1000 дней пути!
Имѣющее тысячу звѣздочекъ на лбу!
О, красивая лошадь!
О, овца, на плечахъ которой при стрижкѣ оставляютъ шерсть!
Со звѣздочкой на лбу, съ переплетшимися ногами,
Съ перевитыми рогами!
Всѣми приглашаемая и здѣсь часто упоминаемая!
Есть богатое божество небо!

1) У бурятъ при «ошкинѣ-будля» и «эрэндхи-улан-хурганѣ», когда закалываютъ животное, то строго соблюдаютъ такъ называемый «хуралха», т. е. осторожно вырѣзываютъ «хурай» — голову съ дыхательнымъ горломъ, съ легкимъ и съ сердцемъ, отнюдь не отдѣляя другъ отъ друга. М. Н. Хангаловъ. Нов. матеріалы о шаманствѣ..., стр. 99, 101 и 113; у черемисъ во время сюрема голова, ноги, сердце, легкія и печень варятся въ особомъ котлѣ; жрецъ приподнимаетъ на блюдѣ вверхъ божеству сердце, легкое, печенку и голову и молится. Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. СПб., 1799 г., т. I, стр. 33—34; С. К. Кузнецовъ. Четыре дня у черемисъ..., стр. 17 и 19.

Если обернешься въ ламскій хитонъ, будешь похожъ на младшаго ламу —
«панда».

Если надѣнешь тогу старшаго ламы чорджи, будешь похожъ на чорджи!
А если возьмешь и повѣсишь на себя шаманскую сумку съ ключьями
шерсти,

Будешь походить на шамана!

«Поѳсы» черной овцы жертвуется въ управленіе божества «Кап».

«Поѳсы» рыжаго барана преподносится въ управленіе божества «Соң»

Пьющій сливки и молоко старый шаманъ кропитъ молокомъ!

Ядущій мясо овцы разбрасываетъ (божествамъ) мясо!

Тысячи людей — это брызги отъ кропленія божествамъ водкой и молокомъ!

О, никогда не спящее божество, великій Туркъ!

О, божество «Туркас» — осѣдланная лошадь съ зелеными ленточками,
привязанными къ чолкѣ,

И съ тремя звѣздочками на лбу!

Управленіе солнца и луны! . .

Въ полѣ, на вершинѣ горы раздается крикъ барса.

Около рѣки раздается ржаніе лошади.

О, божество! сдѣлай сильнымъ эхо ружейнаго выстрѣла.

На верху отъ горъ Зурскихъ краснѣется зарево.

Внизу въ селеніе «Паі-гүз» снисходитъ божество.

О, божество, даруй намъ рослыхъ коней.

Для тебя у насъ есть расщепленный ковыль и расплетенныя нити ки-
тайскихъ матерій для лампадныхъ фитилей.

И есть кислое молоко для кропленій.

Сдѣлай насъ и нашъ скотъ многочисленными.

О, ты — вседозвольная женщина — божество!

Живущая на вершинахъ Ярденчина!

Украшенная большими бѣлыми кораллами, похожими на серебряныя
монеты.

Поѣзжайте по вершинамъ Ерджинтея на коняхъ.

Теперь воспѣвается слава бѣлому древку, —

Млечному пути съ чернымъ бараномъ.

Здѣсь есть божества: ясное небо (ак хајас) и бѣлый человѣкъ (ак кѣсе),

Въ рукахъ у него труба изъ раковины и всѣмъ слышны ея звуки.

На лонѣ третьяго древка есть божества: лошадь съ бѣлой звѣздой на лбу
и голубой человѣкъ (кѣк кѣсе).

О, гѣніе шаманское!

Есть божество «јашка» — зеленое древко;
Пища для него — масло.
Есть божества, питающіяся молокомъ.
Есть дрожащій бурханъ!
Есть божество женщина, приготовляющая кислое молоко!
Я, шаманъ, не далъ мало, не далъ и много (т. е. кроплений)!
Да выполню я все, какъ нужно!
И буду кропить божествамъ молокомъ!

На этомъ пока и прерывается моленіе.

Голова и ноги овцы кладутся предъ бурханами, а остальные части теперь же, позднимъ вечеромъ, съѣдаются всѣми присутствовавшими вмѣстѣ съ шаманомъ. Шаманъ ночуетъ, и на слѣдующее утро, обыкновенно не рано, происходитъ окончаніе моленія.

Шаманъ выходитъ изъ ограды усадьбы наружу въ степь, кропитъ вверхъ и при этомъ поетъ стихи:

Бѣлая водка (ак чакыр) и голубая водка (кѡк чакыр) преподносится!
Есть божество чиновникъ съ шапкой, имѣющей султанъ!
Есть божество женщина со скошенными глазами!
Сегодня открылась пестрая дверь млечнаго пути!
Вотъ посылается въ управленіе млечнаго пути три ложечки простокваши.
Жокан ерембо-ченъ!
Матерандчынъ (кумирня въ Мати, около города Ганджоу)!
О, божество, посылающее громъ!
О, старецъ на бѣломъ конѣ!
О, переговаривающіяся и переглядывающіяся божества — солнце и луна!
О Инджянъ! (кумирня буддійская около города Суджоу)!
Чын-Курлунъ! Пейранъ! Сумакчы! (все названія кумиренъ).

Затѣмъ постигается во дворѣ предъ дверью жилища чистая кошма; на нее ставятся осѣдланная и приукрашенная лошадь и овца.

Шаманъ съ пѣніемъ стиховъ окуриваетъ животныхъ благовоніемъ; животные тѣмъ самымъ дѣлаются «священными» и имъ теперь же хозяева воздаютъ поклоненія¹⁾ (см. рис. № 4, 5 и 6).

Посвященная божеству овца отпускается, а лошадь привязывается во дворѣ, такъ какъ она еще понадобится.

---

1) О посвященныхъ божеству животныхъ см. дальше особую главу.

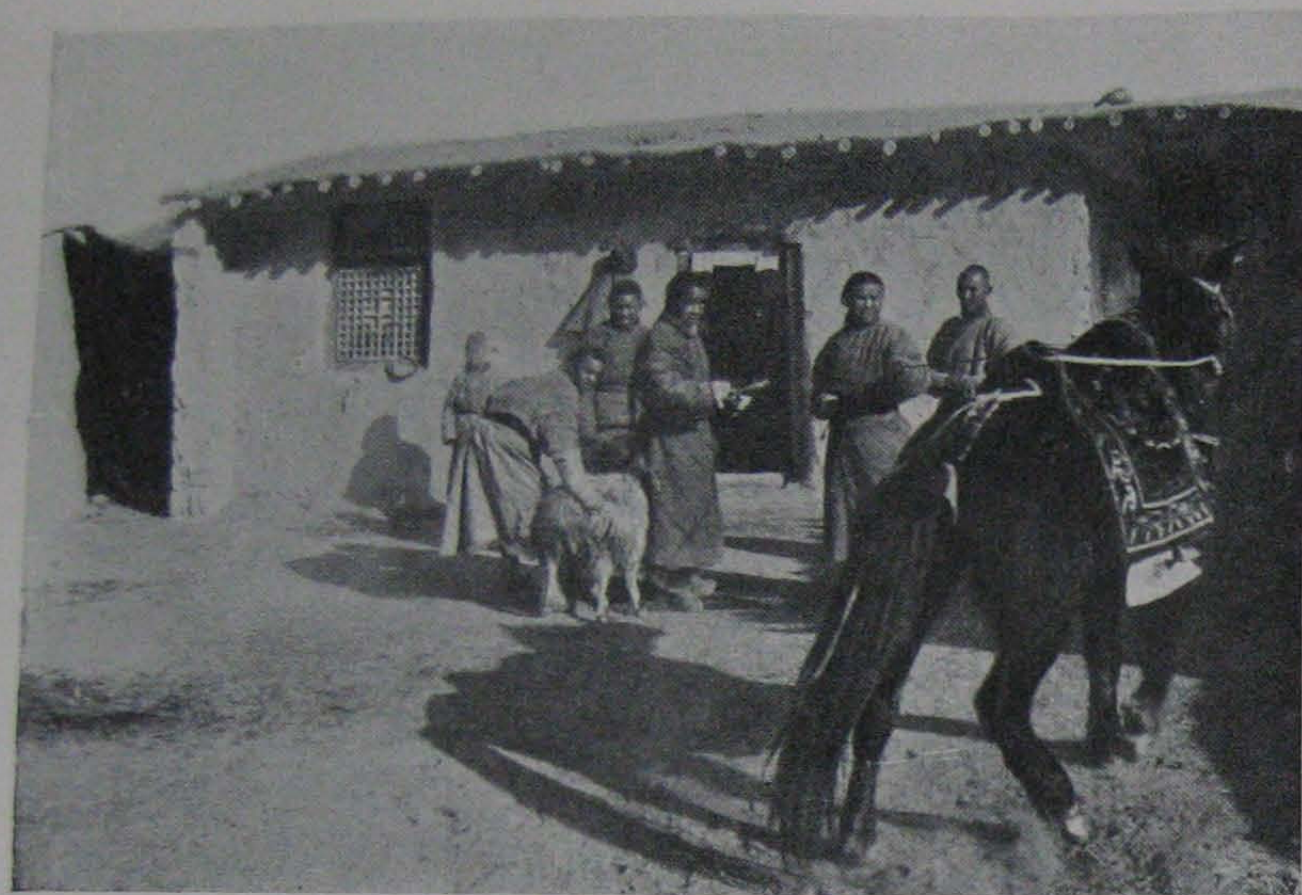

Рис. 4.

Окропление и окуривание животныхъ.

Рис. 5.

Рис. 6.

Поклонение священнымъ животнымъ.

Шаманъ и присутствующіе возвращаются со двора въ жилище и здѣсь опять шаманъ, кропя молокомъ и масломъ на стѣну и на священное древо, поетъ:

Съ востока, съ мѣстъ отъ Синина пришло (?)!
Послѣ помазанія масломъ было кропленіе чернымъ чаемъ!
Куреніе сининскаго вещества очень пріятно для обонянія!
На головѣ лошади протянулась радуга (о звѣздѣ на лбу лошади)!
Да будетъ быстръ бѣгъ молодой пестрой лошади!
Здѣсь поэтому кропится водкой и воскуряется благовоніе!
Здѣсь кропится и курится молодой лошади со звѣздой на лбу!
Да не желтѣетъ трава ни лѣтомъ, ни зимой!
И пусть загонъ овецъ (предъ жилищемъ человѣка, у котораго происходитъ моленіе) будетъ пестрымъ отъ множества здѣсь находящагося скота (т. е. отъ множества разношерстныхъ овецъ)!

Кропя водкой, шаманъ поетъ:

... есть злое небесное божество,
У котораго ладонь въ сажень величиной! ¹⁾
Въ мѣстности Тумпей есть небесное божество «панда».
Онъ изъ девяти слоевъ мѣди!
О, божество «панда», котораго не вмѣщаетъ ни небо, ни земля!
Ты производишь на небѣ блескъ зарева и метаніе стрѣлъ (т. е. блескъ молніи)!
Ты соединяешь небесныя части!
О ты, божество небесное «панда»!
Происшедшее изъ устъ бурхана, изъ устъ, очень похожихъ на яблоко
(т. е. изъ круглыхъ устъ)!

Наконецъ доѣдаются послѣдніе остатки жертвеннаго мяса (голова и ноги). Затѣмъ шаманъ и всѣ домашніе выходятъ на дворъ и садятся на кошму. Шаманъ выходитъ, держа въ рукѣ «яхка»; кто либо другой несетъ на подносѣ двѣ небольшихъ чашки съ черной и красной водкой: кара аракы, т. е. водка, смѣшанная съ чернымъ чаемъ, и кызыл аракы — водка, подкрашенная красной краской. Всѣ садятся на кошму рядомъ съ шаманомъ; около шамана поставлены двѣ чашечки, изъ которыхъ онъ кропитъ ложечкой; въ серединѣ сидящихъ ставится большой подносъ съ чашками, наполненными молокомъ. Шаманъ поетъ стихи и при этомъ касается пооче-

1) Сравни. шаманскія призыванія у телеутовъ. Грамматика алтайск. яз. Составлена членами Алтайской миссіи. Казань. 1869 г., стр. 196—199.

редно, начиная со старших, древкомъ до головы каждого сидящаго на кошмѣ (äcie сал(v)¹⁾ (см. рис. № 7).

Послѣ этого древко изъ рукъ шамана беретъ кто-либо изъ присутствующихъ парней, садится на украшенную лошадь, которой только что поклонялись, быстро мчится со двора и бросаетъ древко съ косицами въ степи. Женщины кланяются невозможному священному древку (см. рис. № 8). Черная и красная водка выливается тоже въ степи, около двора.

Шаманъ идетъ въ домъ, смотритъ на потухшіе, но вчера горѣвшіе свѣтильники (jола) и по расположенію пепла и нагара отъ фитилей произноситъ стихи, въ которыхъ обыкновенно указывается, что только что совершенное моленіе услышано и принято божествами.

Шаманъ поетъ:

Тринадцать высшихъ божествъ съ 160 ленточками милостивы къ намъ!
Девять божествъ на правой сторонѣ — милостивы!
Девять божествъ на лѣвой сторонѣ — милостивы!
Девять сидящихъ божествъ, семь заднихъ божествъ, божество — свѣ-
тильникъ и еще пять божествъ всѣ милостивы!
Да будутъ здравы беременныя кобылы и дойныя коровы!
Будутъ здравы всѣ старшіе родственники! и младшіе въ родѣ!
Фитиль упалъ! Все хорошо завершилось!

Этимъ и заканчивается церемоніаль шаманскаго моленія.

Шаману во все время моленія, невидимо для людей, помогаютъ его помощники — духи «jіл».

Обыкновенно къ концу моленія прибываетъ къ дому, гдѣ происходило оно, на ишачкѣ маленькій сынъ шамана. Это его посылаетъ мать, жена шамана, получить какую либо долю изъ мяса, какое осталось, изъ муки и зеренъ за труды мужа по совершенію моленія; иначе — самъ шаманъ ничего не принесетъ домой, а истратитъ на водку и опиумъ.

5. Священные животныя.

Уйгуры посвящаютъ божествамъ овецъ и лошадей.

Изъ овецъ для посвященія божеству берутся только «күзел коі», т. е. овца съ коричневой шерстью на лбу и около глазъ²⁾, или «ті ваш коі», т. е. овца съ голо-

1) Сравни. монг. «адіс» благословеніе; «адісту» преисполненное благословенія. А. Д. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи. С.-Пб., 1911 г., стр. 61.

2) У качинцевъ въ честь духа огня закалывается холощенный баранъ съ черными щеками. Письма Н. О. Катанова изъ Сибири, стр. 91.

Рис. 7.

Шаманъ древкомъ благословляетъ всѣхъ сидящихъ.

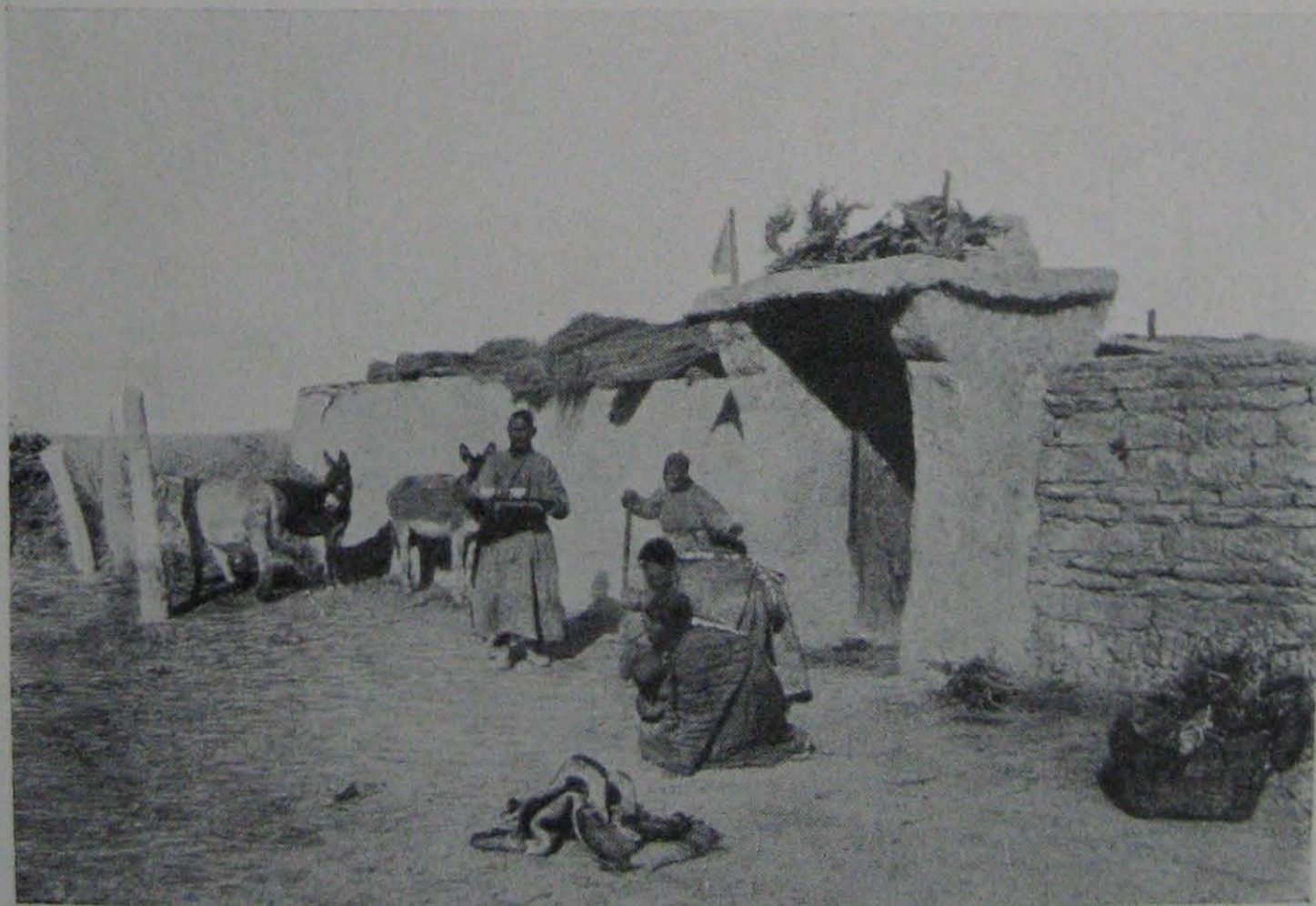

Рис. 8.

Поклоненіе женщинъ увозимому древку.

вой, похожей на голову верблюда. Изъ лошадей же посвящается (juzuk¹⁾ сал(v)) божеству-небу по большей части лошадь рыжей масти «кызыл а'т»; особенно угодной божеству является такая лошадь съ бѣлой звѣздочкой на лбу; такой лошади названіе «чолван а'т» или «кыштыб а'т». На посвященную божеству лошадь не кладется грязный потникъ, а только новый и чистый; на лошадь нельзя класть мяса, и нельзя на ней ѣздить женщинѣ.

Лошадь считается собственностью божества. Если на такую лошадь сядетъ мужчина въ грязной одеждѣ, то человекъ тотъ захварывается за непочтеніе къ божественной лошади. Если такая лошадь околѣетъ или будетъ продана куда либо, то вмѣсто прежней необходимо завести новую, очень похожую на прежнюю, посвященную. Неполненіе этого можетъ навлечь на человека со стороны божества большія наказанія. При мнѣ, напр., у одного уйгура умерла отъ родовъ жена, а вслѣдъ за ней и младенцы-близнецы; и все это, по объясненію уйгуровъ, только потому, что этотъ уйгуръ продалъ лошадь, посвященную божеству, а вмѣсто нея не приобрѣлъ и не посвятилъ божеству новой²⁾.

6. Очищеніе скота.

Въ послѣдній день послѣдняго, 12-го мѣсяца у уйгуровъ исполняется слѣдующій обрядъ.

Во время захода солнца на задахъ своего жилища уйгуръ поджигаетъ въ нѣсколькихъ (3—4) мѣстахъ сухую степную траву — ковыль. Между этими кострами и прогоняется скотъ (кромѣ ишаковъ).

Скотъ гонится съ одной стороны и возвращается съ другой, обогнувъ все жилище уйгура.

Дѣлается это для очищенія скота и предохраненія его отъ болѣзней и падежа³⁾.

7. Поминовеніе предковъ.

Въ среднихъ числахъ 12-го мѣсяца у уйгуровъ бываетъ въ каждомъ домѣ поминовеніе умершихъ предковъ.

Уйгуръ около своего жилища въ степи на какомъ либо бугрѣ разводитъ огонь,

1) У минус. турковъ ызык, у алтайцевъ ііік животное, посвященное въ жертву; у якутовъ ысыях; у карагасовъ ыдык. Золотницкій, Словарь, стр. 150—151; Письма Н. О. Катанова, стр. 28.

2) У минусинск. турковъ добрые духи, покровительствующие людямъ, ѣздятъ на рыжихъ ызык'ахъ — посвященныхъ имъ лошадяхъ (Нива, 1871 г. Шаманство). Н. И. Золотницкій, Словарь..., стр. 149; Н. О. Катановъ. Среди тюркскихъ племенъ, стр. 5, 20—21. Письма Катанова..., стр. 94—95. А. П. Беннигсенъ. Легенды и сказки Центральной Азии. С.-Пб. 1912 г., стр. 154.

3) Сравни. В. Я. Смѣловъ. Очеркъ религіозныхъ вѣрованій у чувашъ; въ книгѣ В. Магнитскаго. Матеріалы для объясненія старой чувашской вѣры, стр. 248. См. также: В. Н. Харузинъ. Къ вопросу о почитаніи огня. Этнограф. Обзоріе. 1906 г., № 3—4.

бросаетъ въ него хлѣбныя лепешки и совершаетъ на бугоръ возліаніе виномъ. Затѣмъ въ огонь бросаютъ хлѣбъ и всѣ домашніе — жена и дѣти, при чемъ всѣ дѣлаютъ земные поклоны, поминая умершихъ предковъ.

8. Моленіе о дѣтяхъ бездѣтными супругами.

Раньше у уйгуровъ, по рассказамъ, существовалъ еще шаманскій обрядъ испрашиванія бездѣтными супругами себѣ дѣтей. Обрядъ назывался «тајыбъ». Супруги дѣлали пиръ, приглашали на него своихъ родственниковъ и знакомыхъ; всѣ они являлись на хорошо убранныхъ лошадяхъ и въ хорошихъ одеждахъ.

Являлся и шаманъ.

Супруги дѣлали поклоненіе бараньей грудинкѣ, обмотанной въ шерсть. Предварительно грудинку эту они держали за пазухой у голаго тѣла, — такъ обыкновенно уйгуры и уйгурки носятъ своихъ маленькихъ дѣтей, особенно въ зимнее время. Затѣмъ шаманъ разводилъ большой костеръ и заставлялъ супруговъ поклоняться огню. Шаманъ при этомъ пѣлъ:

Будемъ усердно призывать къ намъ на помощь божествъ-властителей
океана (сун даіеі — сказочное море)!

Пригласимте божества съ горы Сумеру и изъ многихъ селеній!

Пригласимте божества отъ богатыхъ царей, отъ богатыхъ людей и бѣд-
няковъ!

Пригласимте бурхановъ съ моря Памчынъ!

— Отъ ламъ; отъ улуса Часанъ, бурхановъ отъ семи пастбищъ!

Пригласимте бурхановъ изъ кумирни Ырджагаръ, изъ горной кумирни
Вутей!

— Изъ Инджанъ, изъ Чинкурлуна, изъ кумирни Нушка, изъ Пей-
ранъ, изъ Сумакчы!

Пригласимте — изъ Пымсыгъ (названіе кумирни въ Чинкурлунъ)!

Пригласимте Хамортена!

Этотъ обрядъ «тајыбъ», по словамъ уйгуровъ, оказывался очень дѣйствительнымъ и у бездѣтныхъ супруговъ послѣ него рождались дѣти (андак кылбандан соң ерепчиге кын полбак тро ¹⁾).

С. Маловъ.

¹⁾ Въ статьѣ Маннергейма: «A visit to the Sarö and Shera Yögurs» (Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXVII, Helsinki 1911) свѣдѣній о шаманствѣ у желтыхъ уйгуровъ не имѣется.

здѣсь совершенно наоборотъ; по многимъ, даже важнѣйшимъ, отдѣламъ со всѣмъ не собраны и сырые матеріалы, такъ что авторъ принужденъ начать буквально *ab ovo*; вотъ почему отдѣлъ культурныхъ древностей нельзя считать окончательнымъ и нечерпывающимъ, нельзя его и сравнивать съ отдѣломъ историческимъ; это только *основы науки (základy)*, на которыхъ другіе и притомъ многіе работники возведутъ, при взаимной помощи исторіи, филологіи, археологіи и фольклористики, великую и готовую, въ подробностяхъ отдѣланную, храмину славянскихъ древностей. Сдѣлать все это теперь — выше моихъ силъ, да и вообще, думаю, выше силъ *одного* человѣка».

Какъ бы то ни было, но книга проф. Нидерле сдѣлается, конечно, настольною книгою каждаго русскаго этнографа; и всякій, занимающійся этнографіей славянъ, можетъ только и долженъ принести маститому автору глубокую благодарность за этотъ огромный, настоятельно необходимый и отважный трудъ. Мы убѣждены также, что подведеніе итоговъ всего сдѣланнаго послужитъ для славянскихъ этнографовъ побудительнымъ толчкомъ къ тому, чтобы поскорѣе продолжить постройку начатой, но далеко еще незаконченной «храмины культурныхъ славянскихъ древностей».

Дм. Зеленинъ.

7. C. G. E. Mannerheim. A visit to the Sarö and Shera Yögurs. Helsingfors, 1911 (Journal de la Société Finno-Ougrienne XXVII).

Полковникъ баронъ Маннергеймъ путешествовалъ по Китаю въ 1906—1908 гг. Въ 1909 г. въ своемъ предварительномъ отчетѣ¹⁾ о путешествіи онъ всего только въ нѣсколькихъ строкахъ упоминаетъ о томъ народѣ, о которомъ теперь имъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ обнародована цѣлая статья.

Нужно добавить, что объ этихъ уйгурахъ намъ до сихъ поръ почти ничего не было извѣстно. Первый, кто сообщилъ намъ объ этомъ племени, былъ Г. Н. Потапинъ. Географическія и этнографическія свѣдѣнія его объ уйгурахъ были очень кратки²⁾; имъ же первымъ данъ и списокъ турецко-уйгурскихъ словъ³⁾.

Появленіе статьи г. Маннергейма нужно еще привѣтствовать въ настоящее

1) Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ Матеріаловъ по Азіи. Вып. LXXXI. (На обложкѣ: «Не подлежитъ оглашенію») = Предварительный отчетъ о поѣздкѣ... черезъ Китайскій Туркестанъ и сѣверныя провинціи Китая въ г. Пекинъ въ 1906—7 и 8 гг. полковника барона Маннергейма. СПб. 1909 г. стр. 114.

2) Г. Н. Потапинъ. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія. СПб. 1893 г. Т. I—II.

3) Сравни. В. Бартольдъ. Система счисленія орхонскихъ надписей въ современномъ діалектѣ. З. В. О. И. Р. А. Общ. т. XVII, вып. IV, стр. 171—173. СПб. 1907 г.

время, когда археологическія находки въ Восточномъ Туркестанѣ даютъ намъ возможность представить и воскресить бытъ соплеменниковъ желтымъ уйгурамъ, а именно уйгуровъ насельниковъ Турфана, — древняго Гао-чана¹⁾.

Письменные памятники этихъ древнихъ турфанскихъ уйгуровъ рисуютъ намъ довольно подробно картину жизни этого раньше очень значительнаго турецкаго племени въ Китайскомъ Туркестанѣ²⁾.

На ряду съ этими турфанскими уйгурами интересны, конечно, и послѣдніе остатки этого племени, а именно желтые уйгуры, живущіе около гг. Суджоу и Ганджоу. Г. Маннергеймъ пробылъ среди уйгуровъ вторую половину декабря 1907 года и за это небольшое время³⁾ онъ успѣлъ собрать и теперь представляетъ читателямъ чрезвычайно интересный, хотя и краткій, очеркъ жизни уйгуровъ китайской провинціи Гань-су.

Г. Маннергеймъ даетъ намъ этнографическій очеркъ желтыхъ уйгуровъ, представляющій выдержки изъ его дневника, много фотографическихъ снимковъ, небольшой списокъ уйгурскихъ словъ и снимки съ этнографической коллекціи; авторъ присоединилъ сюда двѣнадцать таблицъ антропологическихъ измѣреній и карту своего путешествія. Все, что сообщаетъ авторъ, представляетъ изъ себя, хотя и краткое, но нѣчто цѣлое, законченное и интересное, какъ написанное тамъ, на мѣстѣ, подъ свѣжимъ, непосредственнымъ впечатлѣніемъ. О тѣхъ и другихъ уйгурахъ г. Маннергеймъ сообщаетъ: географическія свѣдѣнія, административное устройство, дѣлаетъ описаніе кумиренъ, жилищъ, сообщаетъ объ одеждѣ, пищѣ, занятіяхъ, типѣ, характерѣ и проч.; изъ обрядовъ онъ описываетъ подробнѣе похороны и бракъ.

Знакомство г. Маннергейма съ уйгурами, говорящими по турецки, состоялось въ ихъ селеніи Мачунза (Ma-chuang-tzū), куда г. Маннергеймъ пріѣхалъ изъ г. Джинта⁴⁾ (Chin-t'a) черезъ станцію Фанчинза⁵⁾ (Shuang-t'ingtzū). Въ этомъ селеніи авторъ пробылъ 2—3 дня и по большой императорской дорогѣ черезъ Янче (Янченъ) направился въ Гань-джоу. Изъ Гань-джоу г. Маннергеймъ спустился немного на югъ и посѣтилъ уйгуровъ же, но говорящихъ не на турецкомъ, а на монгольскомъ языкѣ.

1) Библиографію экспедицій въ Восточный Туркестанъ и матеріаловъ по туркологіи, найденныхъ этими экспедиціями см. въ замѣткѣ А. Самойловича на «Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer... von W. Radloff» (Живая Старина, вып. I—II, 1910 г.).

2) Въ этомъ отношеніи особенно интересно печатающееся сочиненіе академика В. В. Радлова «Uigurische Sprachdenkmäler».

3) Нужно имѣть въ виду, что много времени ушло на трудныя и большія передвиженія въ зимнее время, о чемъ см. 20 и 21 стр.

4) «Цзинь-та-сыну» по 40 верстной картѣ, изд. Главнаго Штаба.

5) Уйгуры (сарыгъ югуры) называютъ эту станцію, какъ я слышалъ, «Фанджуръ».

Среди уйгуровъ, говорящихъ по турецки, г. Маннергеймъ жилъ въ Мачунза, которое онъ называетъ селеніемъ изъ 40 домовъ, включая сюда и кумирню. На самомъ же дѣлѣ такое названіе носитъ небольшой поселокъ къ востоку отъ кумирни, которая называется по китайски Лян-хуа-сы, а по уйгурски просто «семи» — кумирня. Все же мѣсто, занимаемое кумирней вмѣстѣ съ Мачунза и другими подобными уйгурскими поселками, расположенными вокругъ этой кумирни, числомъ до 25, называется *Шихейза*. Онъ называетъ живущихъ тутъ уйгуровъ «Sagö yögür», но это не точно; уйгуры сами себя называютъ сарыгъ югуръ (сарыбъ јубур), т. е. желтый уйгуръ.

У уйгуровъ, говорящихъ по монгольски (Chera yögür), г. Маннергеймъ побывалъ при кумирнѣ Kanglungssü или Rtangu rgonba¹⁾ и на берегу маленькой рѣчки Kludjek gol въ гостяхъ у старшины шера югуровъ, т. е. у «t'mu».

Авторъ объ этихъ уйгурахъ сообщаетъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ объ уйгурахъ около Суджоу.

Свѣдѣній о своемъ прошломъ уйгурская память ничего не сохранила за исключеніемъ того, что сообщаетъ намъ г. Маннергеймъ и что еще до него сообщилъ намъ Г. Н. Потанинъ. А именно, что сарыгъ и шера югуры на теперешнія свои мѣста пришли съ востока изъ Сиджо-хаджо или Чамбудунъ при императорѣ Кянъ-си. Вотъ и все, что знаютъ они изъ своего прошлаго.

Г. Маннергеймъ на стр. 32 удивляется тому странному, на его взглядъ, обстоятельству, что шера югуры, этотъ маленькій народъ, который не только считаетъ самого себя монгольскимъ, но, безъ сомнѣнія, и есть таковой, — говорить, не смотря на разницу языковъ, о своей принадлежности къ тому же народу, какъ и сарыгъ югуры. А этихъ сарыгъ югуровъ, продолжаетъ г. Маннергеймъ, они считаютъ за *чанту* или за сартовъ и которыхъ (т. е. сарыгъ югуровъ) имя должно было бы быть, по мнѣнію шера югуровъ, кара югуры, т. е. черные уйгуры. Въ сноскѣ г. Маннергеймъ добавляетъ о возможности того, что сами сарыгъ югуры смѣшиваютъ слова кара и сарыгъ, т. е. такъ переводятъ на свой языкъ китайское слово «хоанъ» желтый.

Но страннаго въ этомъ ничего нѣтъ. Какъ сарыгъ, такъ и шера югуры несомнѣнно турецкое племя, изъ которыхъ одна часть омонголилась (шера югуры) и забыла свой языкъ, а другая (сарыгъ югуры) до сихъ поръ говоритъ на своемъ родномъ турецкомъ языкѣ. И если шера югуры называли своихъ сосѣдей сарыгъ югуровъ «чанту» и сартами, то это есть только «приспособительный» къ путешественнику г. Маннергейму способъ выраженія той ихъ мысли, что языкъ сарыгъ югуровъ похожъ на языкъ «чанту» или сартовъ и отличенъ отъ ихъ шера югурскаго, т. е.

1) Сарыгъ югуры называютъ эту кумирню «Гумансы».

монгольского языка. Китайское слово *чан-ту* значить «чалмоносецъ»; китайцы такъ прозвали турковъ Восточнаго Туркестана за ихъ головной уборъ, а — вѣдь — самъ же г. Маннергеймъ говорить на стр. 9, описывая головной уборъ сарыгъ югуровъ, что шапки у нихъ китайскаго или монгольскаго образца и ничего не упоминаетъ о чалмахъ, такъ какъ ихъ у нихъ и нѣтъ. Головной уборъ мужчинъ этихъ двухъ народностей не разнится. Женскія шляпы различны, но и тутъ о чалмахъ говорить не приходится. О единствѣ же этихъ уйгуровъ можно судить и по ихъ костямъ. Г. Маннергеймъ приводитъ «Tuman» и «Uigot», какъ кости общія сарыгъ и шера югурамъ. Но я почти всѣ кости шера югуровъ, перечисленные у г. Маннергейма на стр. 33, встрѣчалъ и у сарыгъ югуровъ.

Г. Н. Потанинъ тоже называетъ уйгуровъ, говорящихъ по турецки, кара, т. е. черными уйгурами. И это, по моему, въ силу того, что онъ говорить о нихъ со словъ шера югуровъ. Нельзя ли думать, что названіе «кара» явилось со стороны шера югуровъ какъ результатъ осознанной разницы между этими двумя частями одного и того же племени и въ недавнее только время. Кромѣ того, около шера и сарыгъ югуровъ живутъ тангутскія племена, которыя носятъ китайское имя «хи-шифянъ» (т. е. черный варваръ) и языкъ которыхъ, конечно, существенно отличается отъ языка какъ сарыгъ, такъ и шера югуровъ. Не перенесли ли шера югуры китайское названіе тангутовъ «хи-шифянъ» и на своихъ сородичей сарыгъ югуровъ послѣ того, какъ сами, омонголившись, замѣтили между собою разницу; но перенесли они это названіе только въ переводѣ съ китайскаго языка на свой турецко-монгольскій, т. е. дали имъ названіе кара югуры, т. е. черные уйгуры.

Въ древней исторіи уйгуровъ нѣтъ нигдѣ упоминанія о кара, а вездѣ встрѣчаемъ только сарыгъ, т. е. желтыхъ, а не черныхъ уйгуровъ¹⁾. Я хорошо помню, какъ сарыгъ югуры называли мнѣ тангутскія племена кара югурами, т. е. черными уйгурами, но затѣмъ мнѣ удалось выяснить, что такъ они называли тангутовъ только для меня, отвѣчая на мои вопросы о томъ, что нѣтъ ли еще какихъ либо красныхъ, бѣлыхъ и т. под. уйгуровъ. И только потомъ я узналъ, что сарыгъ югуры называютъ на своемъ языкѣ тангутовъ совсѣмъ не кара югурами, а татами (т'ат).

Авторъ даетъ очень вѣрную характеристику психики сарыгъ югуровъ, когда говорить объ отсутствіи у нихъ энергіи, мужества, предприимчивости, — особенно у молодежи. У нихъ нѣтъ никакихъ игръ и состязаній, какія мы видимъ у другихъ ту-

1) В. В. Радловъ. Къ вопросу объ уйгурахъ. (Переводъ съ нѣмецкаго языка П. М. Меліоранскаго). СПб. 1893 г. Н. Бравинъ и И. Бѣляевъ. Указатель племенныхъ именъ въ статьѣ Аристова: Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ. Подъ ред. проф. П. М. Меліоранскаго. (Изъ Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи, т. XXVIII, вып. 2).

рецкихъ племенъ, особенно напр. у киргизовъ. Нѣтъ у уйгуровъ музыкальныхъ инструментовъ¹⁾ и почти нѣтъ танцевъ.

У сарыгъ югуровъ въ сказкахъ мнѣ приходилось слышать турецко-уйгурское названіе одного музыкальнаго струннаго инструмента — «коңыс», но самого инструмента теперь у нихъ нѣтъ.

Г. Маннергейму, очевидно, не приходилось слышать настоящихъ уйгурскихъ пѣсень; а то, что онъ слышалъ, было по моему мнѣнію тангутскими пѣснями, которыя теперь распѣваетъ уйгурская молодежь.

Но старое поколѣніе сарыгъ югуровъ помнить и распѣваетъ свои родныя уйгурскія пѣсни. Я слышалъ, напр., пѣсни «Шарамыкъ», «Хондельчинъ», «Семсельчинъ» и др., при пѣніи которыхъ старики и старухи, слушая, проливаютъ слезы. Пѣсни эти очень мелодичны, по большей части грустнаго, элегическаго содержанія.

Внесу еще небольшую поправку о празднованіи Нового Года сарыгъ югурами. Г. Маннергеймъ говоритъ, что уйгуры не визитируютъ. На это замѣчу слѣдующее. Прежде всего большая депутація уйгуровъ является съ поздравленіемъ къ ближайшему начальству какъ китайскому, такъ и своему уйгурскому. А затѣмъ уйгуры навѣщаютъ другъ друга. Визитируютъ какъ мужчины, такъ и женщины. Этотъ же праздникъ Нового Года является единственнымъ праздникомъ и для дѣтей, Мальчики и дѣвочки въ праздничныхъ одеждахъ, сѣвъ по 2 и по 3 на одного ишака, разъѣзжаютъ по своимъ роднымъ и знакомымъ, угощаются чаемъ и получаютъ въ подарокъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

Приведу описаніе Маннергеймомъ похоронныхъ обычаевъ.

У сарыгъ югуровъ (стр. 14) въ случаяхъ смерти приглашаются для чтенія молитвъ ламы. Тѣло сжигается голымъ, — лѣтомъ послѣ трехъ, а зимой послѣ семи или десяти дней, — на вязанкахъ дровъ. Масло при этомъ не употребляется, а какъ средство заpalенія употребляютъ особый родъ спирта. Тѣло кладутъ въ лежачемъ положеніи, головой по направленію къ югу. Ничего ни изъ пищи, ни изъ украшеній не сжигается вмѣстѣ съ покойникомъ. Золу собираютъ и покрываютъ небольшой кучкой земли. Юношей и дѣвушекъ, умершихъ послѣ непродолжительныхъ и не тяжкихъ болѣзней, тоже сжигаютъ; мѣсто сожженія помѣчается могильнымъ валомъ. Посѣтители и все присутствующіе при похоронахъ угощаются въ домѣ умершаго, смотря по его средствамъ; ламы получаютъ плату за свои богослуженія.

У шера югуровъ (стр. 34—35) черезъ 3—7 дней послѣ смерти тѣло уносится въ горы на нѣкоторое разстояніе отъ жилища и тамъ оставляется на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Глаза закрываются. Тѣло кладутъ въ любомъ положеніи и этому

---

1) Исключая, конечно, употребляющихся при буддѣйскомъ богослуженіи трубъ, мѣдныхъ тарелокъ и барабановъ.

не придается никакого значенія. Черезъ три дня послѣ похоронъ идутъ посмотрѣть, съѣдено ли тѣло коршунами. Это служитъ знакомъ того, что умершій былъ хорошимъ человѣкомъ; въ противномъ же случаѣ лама приглашается читать молитвы. Тѣла богатыхъ сжигаются на кострахъ. На костры не кладутъ пищи. Тѣло сжигается обнаженнымъ; голова обращается къ западу. Зола смѣшивается съ тѣстомъ изъ глины для лѣпки бурхановъ, кладется въ деревянный ящикъ и погребается въ землѣ. Ламы читаютъ молитвы. Прежніе обычаи съ приглашеніемъ гостей на поминки оставлены подъ вліяніемъ ламъ¹⁾.

Къ своей статьѣ г. Маннергеймъ присоединяетъ списокъ словъ сарыгъ и шера уйгуровъ. Автору, не зная турецкаго языка, удалось записать до 150 сарыгъ-югурскихъ словъ; въ своей записи онъ сохраняетъ очень тонкія особенности уйгурской фонетики. Остановлюсь на нѣкоторыхъ словахъ. Такъ, авторъ пишетъ: *rōgg* 1, *ško* 2, *aχlto* 6, *prigerma* 11, *tjurtšigirma* 14, *škots* 22. Всѣ эти записи передаютъ очень точно произношеніе уйгуровъ. Въ моихъ записяхъ 1 и 2 будутъ п'ёр» и «йшк'е»²⁾ («шк'е»). Въ словѣ шесть звукъ «л» произносится съ придыхательными инкурсіей и рекурсіей; въ моей записи а'л'т'ы; *škots* представляетъ быстрое произнесеніе словъ йшк'е отъис — 22. Глаголы *sakš to milk* и *sokš to weave* представляютъ форму настоящего времени для всѣхъ лицъ и чиселъ: мен *sákkыш* (т. е. съ удареніемъ на первомъ слогѣ) я дою; отъ *саб(v)* доить. *Sókkыш* я тку, плету. *To twist (baskets) talakš* — мен коң далабыш я плету корзину. *Good bye — zenparm*, т. е. езен п'арым — здоровъ ли?! Эта фраза не для прощанія, а для встрѣчи и вмѣстѣ съ *jakšima* значить: «какъ ваше здоровье?» (*good day!*). Неправильныя значенія: *anang* не house (домъ), а матушка, мать (какъ и ана); *turvak* не horse (лошадь), а пыль (у меня т'орвак). Невѣрно записано: *teōng heaven, sky* — нужно «т'еңі р небо, богъ. Бумага — «кегде»³⁾.

1) Нѣкоторыя дополнительные свѣдѣнія о погребальныхъ обычаяхъ у сарыгъ югуровъ см. у меня 1) въ Отчетѣ о путешествіи къ уйгурамъ и саларамъ. (Отчетъ напечатанъ уже, но книжка Извѣстій Русскаго Комитета, гдѣ помѣщенъ этотъ отчетъ, еще не вышла въ свѣтъ) и 2) въ статьѣ «Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ». Живая Старина, 1912 г., стр. 64 (здѣсь о погребеніи шамана). Кстати, въ статьѣ Маннергейма свѣдѣній объ уйгурскомъ шаманствѣ не имѣется. О погребальныхъ обычаяхъ турецкихъ племенъ вообще см. Н. О. Катановъ. О погребальныхъ обрядахъ у тюркскихъ племенъ Центральной и Восточной Азіи (Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этнографіи за 1894 г., т. XII, стр. 109—142). Сравн. его же: *Ueber die Bestattungsgebräuche bei den Türkstämmen Central und Ostasiens* (съ 2 чертежами). Budapest, 1900 (см. *Keleti Szemle*, вып. II—IV).

2) Такую же форму для числительнаго два мнѣ приходилось слышать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Восточнаго Туркестана и у Саларъ по р. Хоанъ-хо. Сравн. Г. Н. Потанинъ, *op. cit.*, т. 2-й; Поярковъ и Ладыгинъ. Салары (Этногр. Обзоріе. 1893 г., № 1) и W. W. Rockhill. *Diary of a journey through Mongolia and Tibet*. Washington. 1894, стр. 373.

3) Слово кегде (бумага) встрѣчается и въ древнихъ памятникахъ уйгурской письменности; напр., въ найденной мною рукописи «алтун жарукъ». A I, b 6. См. еще F. W. K. Müller. *Uigurica* II, 70 (31) 4. Berlin. 1911.

Въ спискѣ словъ шера югуровъ (на стр. 67) въ словѣ lioxavatsek (rocket) «lio» есть по моему мнѣнію китайское слово горохъ (льо) и все слово значить просто «мѣшокъ съ горохомъ» или въ спеціальному смыслѣ небольшой мѣшечекъ (съ порціей гороха), который надѣвается на морду лошади и ишака.

С. Маловъ.

Сентябрь 1912 г. С.-Петербургъ.